

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

- Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать
-
- Фрайди. Бездна
-
- Астронавт Джонс. Время для звезд
-
- Чужак в стране чужой
-
- Луна — суровая госпожа
-
- Красная планета. Звездный зверь
-
- Кукловоды. Дверь в Лето
-
- Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики
-
- Иов, или Комедия справедливости
-
- Небесный фермер. Среди планет.
Космическое семейство Стоун
-
- Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга
-
- «Магия, инкорпорейтед». Дорога Доблести
-
- Кот, который ходил сквозь стены
-
- Двойная звезда. Звездный десант
-
- Зеленые холмы Земли. История будущего. Книга 1
-
- Не боюсь зла
-
- Расширенная Вселенная
-
- Пасынки Вселенной. История будущего. Книга 2
-
- Нам, живущим. Реквием
-
- Свободное владение Фарнхэма*

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Свободное владение
Фарнхэма**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
FARNHAM'S FREEHOLD
Copyright © 1964 by Robert A. Heinlein
THE YEAR OF THE JACKPOT
Copyright © 1952 by Robert A. Heinlein
ELSEWHEN
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Составитель Александр Жикаренцев

Перевод с английского
Павла Киракозова, Владимира Ковалевского, Нины Штуцер,
Михаила Пчелинцева, Александры Питчер

Серийное оформление и оформление обложки
Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Виталия Аникина

*Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги*

- © П. А. Киракозов (наследники), перевод, 1991
- © В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники),
перевод, 1991
- © М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1994
- © А. Питчер, перевод, 2021
- © С. В. Голд, послесловие, 2021
- © А. В. Жикаренцев, состав, 2021
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18980-5

Свободное владение Фарнхэма

Роман

Алану Нурсу

1

— Никакой это не слуховой аппарат, — объяснил Хьюберт Фарнхэм. — Это радиоприемник, всегда настроенный на частоту сигнала тревоги.

Барбара Уэллс от изумления замерла, так и не донеся ложку до рта.

— Мистер Фарнхэм, вы думаете, что они все-таки собираются напасть на нас?

Хозяин дома пожал плечами:

— К сожалению, Кремль не делится со мной своими секретами.

— Отец, перестань пугать наших дам, — сказал его сын. — Миссис Уэллс...

— Называйте меня просто Барбара, — перебила его молодая особа. — Я даже собираюсь через суд добиться разрешения опускать слово «миссис» перед своим именем.

— Для этого вам вовсе не требуется разрешения суда.

— Учтите это, Барб, — заметила его сестра Карен. — В наше время бесплатные советы очень дороги.

— Помолчи. Барбара, при всем своем уважении к отцу я все же считаю, что ему просто мерещатся всякие страсти. Войны не будет.

— Надеюсь, вы правы, — спокойно сказала Барбара. — А почему вы так считаете?

— Потому что коммунисты — прежде всего реалисты. Они не рискнут начать войну, в которой могут понести потери, даже если будут уверены в победе. А тем более они не рискнут устроить войну, победить в которой не в состоянии.

— В таком случае, может быть, они заодно перестанут устраивать все эти ужасные кризисы, как на Кубе? А взять, к примеру, шум из-за Берлина: как будто кому-то есть до этого Берлина какое-нибудь дело! А теперь еще это! Никаких нервов не хватит, — сказала мать. — Джозеф!

— Да, мэм?

— Приготовьте мне кофе. И бренди. Кафе-ройял¹.

— Да, мэм. — Слуга, молодой негр, убрал со стола тарелку, к содержимому которой она почти не притронулась.

— Отец, — заметил молодой Фарнхэм, — а ведь мать беспокоится не из-за каких-то там дурацких кризисов. Это ты нервировешь ее своим паническим поведением. Ты должен вести себя спокойнее.

— Нет.

— Да, должен! Мать совсем потеряла аппетит... и все из-за какой-то дурацкой пуговицы, торчащей у тебя в ухе. Нельзя же так!

— Перестань, Дьюк!

— Сэр?

— Когда ты стал жить отдельно от нас, мы договорились оставаться друзьями. И я всегда рад выслушать твое мнение как мнение друга. Но все это не дает тебе права вступать между мной и твоей матерью — моей женой.

— Но, Хьюберт... — протянула его жена.

— Прости, Грейс.

— Ты слишком строг с мальчиком. Это беспокоит меня.

— Дьюк уже не мальчик. И я не сказал ничего такого, что могло бы тебя заставить переживать. Прости.

— Мне тоже очень неудобно, мама. Но если отец считает, что я лезу не в свое дело, что ж... — Дьюк изобразил на лице кривую улыбку. — Придется мне, пожалуй, найти собственную жену, чтобы действовать ей на нервы. Барбара, вы согласитесь выйти за меня замуж?

— Нет, Дьюк.

¹ *Кафе-ройял* (Café royale) — черный кофе с бренди, долькой лимона и корицей (фр.). — *Примеч. С. В. Голд.*

— Я же предупреждала тебя, Дьюк, что она очень умна, — поспешно вставила его сестра.

— Помолчи, Карен. Но почему, Барбара? Я молод. Я здоров. К тому же не исключено, что у меня когда-нибудь появятся клиенты. А пока мы могли бы прекрасно перебиваться и вашими доходами.

— Нет, Дьюк. Я полностью согласна с вашим отцом.

— Что?

— Вернее, следовало бы сказать, что мой отец согласен с вашим. Не знаю, носит ли он сейчас приемник в ухе, но уверена, что обычное радио слушает внимательно. Дьюк, в нашей семье в каждой машине предусмотрен набор для выживания.

— Серьезно?

— В багажнике моей машины, что стоит перед вашим парадным входом, той самой, на которой мы с Карен приехали к вам, как раз лежит такой набор. Папа приготовил его, когда я опять поступила в колледж. Он относится к этому очень серьезно, и я тоже.

Дьюк Фарнхэм открыл было рот, но так ничего и не сказал. Его отец спросил:

— Барбара, интересно, что же включил в этот набор ваш отец?

— О, множество вещей. Десять галлонов воды. Продукты. Большую канистру бензина. Лекарства. Спальный мешок. Пистолет...

— Вы умеете стрелять?

— Папа научил меня. Лопата. Топор. Одежда. Да, еще радио. Но самым важным, как он всегда считал, был вопрос «куда?». Если бы я оставалась в колледже, то отец наверняка счел бы оптимальным вариантом подвал под спортзалом. А здесь... он, скорее всего, посоветовал бы мне как можно дальше забраться в горы.

— В этом нет никакой необходимости.

— Почему?

— Отец имеет в виду, — пояснила Карен, — что в случае чего вы сможете укрыться вместе с нами в нашей уютной норке.

Барбара вопросительно посмотрела на хозяина дома. Тот объяснил:

— Это наше бомбоубежище. Мой сын называет его «причуда Фарнхэма». Мне кажется, что там вы будете в большей безопасности, чем в горах, несмотря на то что мы всего в десяти милях от базы стратегических ракет. Поэтому, как только раздастся сигнал тревоги, мы укроемся в убежище. Верно, Джозеф?

— Да, сэр! Это лучший способ сохранить свою зарплату.

— Черта с два! Ты можешь считать себя уволенным сразу же, как только завоет сирена. И я тут же начну взимать с тебя за жилье.

— Мне тоже нужно будет платить за аренду? — спросила Барбара.

— Вам придется мыть посуду. Каждому придется это делать. Даже Дьюку.

— Меня можно сбросить со счетов, — мрачно сказал Дьюк.

— Что? У нас не так уж много посуды, сынок.

— Я не шучу, отец. Хрущев заявил, что похоронит нас, — и ты всеми силами стараешься, чтобы именно так и произошло. Я не собираюсь хоронить себя заживо в норе под землей.

— Как вам угодно, сэр.

— Сыночек! — Его мать оставила чашку. — Если будет налет, обещаю тебе, что ты укроешься вместе с нами в убежище. — На глазах ее блеснули слезы.

Молодой Фарнхэм некоторое время упрямо молчал, затем вздохнул:

— Если начнется налет — я имею в виду, если прозвучит сигнал тревоги, потому что никакого налета быть не может, — я, так и быть, полезу в твою нору. Но сделаю это, отец, только ради спокойствия матери.

— В любом случае место для тебя там всегда готово.

— Хорошо. А теперь давайте перейдем в гостиную и перекинемся в карты. Только уговор: о войне больше ни слова. Годится?

— Согласен. — Его отец поднялся и предложил руку супруге. — Дорогая?..

В гостиной Грейс Фарнхэм заявила, что в бридж она играть не будет:

— Нет, дорогой, у меня совершенно нет настроения. Ты уж, пожалуйста, составь компанию молодым, и... Джо-зеф! Джозеф, принесите мне еще капельку кофе. Ройял, я имею в виду. Не смотри на меня так, Хьюберт. Ты ведь прекрасно знаешь, что мне только это и помогает.

— Может, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Мне не нужны лекарства. Я просто выпью еще кофе.

Они разбились на пары. Дьюк печально покачал головой:

— Бедная Барбара! Играть вместе с моим отцом... Ты ее предупредила, сестренка?

— Держи свои предупреждения при себе, — посоветовал отец.

— Но она имеет право знать, папа. Барбара, молодящийся грабитель, сидящий напротив нас, настолько оптимистичен в бридж-контракте, насколько пессимистичен... кое в чем другом. И не думайте блефовать. Если у него на руках окажутся одни фоски...

— Заткнешься ты когда-нибудь или нет? Барбара, какую систему вы предпочитаете? Итальянскую?

Она широко раскрыла глаза:

— Единственное, что я знаю итальянское, так это вермут, мистер Фарнхэм. А играю я по Горену. Ни плохо, ни хорошо, просто я знаю эту книгу.

— Ну что ж, по книге так по книге, — согласился Хьюберт Фарнхэм.

— По книге... — эхом отозвался его сын. — Вопрос только — по какой? У папаши есть очаровательная привычка следовать советам «Альманаха фермера», особенно когда у противника плохие карты. Тогда он начинает удваивать и вторично удваивать ставку. А потом он начинает рассказывать, что если бы ты пошел с бубен...

— Господин адвокат, — прервал его отец, — может быть, вы все-таки соизволите взяться за карты? Или вы желаете, чтобы я вбил их вам в глотку?

— Я уже сказал. Ну что, приправим игру чем-нибудь остреньким? Например, по центу за очко?

— Для меня это слишком круто, — поспешно сказала Барбара.

— К вам, девочки, это не относится, — ответил Дьюк. — Только ко мне и отцу. Таким способом я ухитрюсь платить за аренду конторы.

— Дьюк имеет в виду, — поправил его отец, — что таким способом он все глубже увязает в долгах своему старику. Я отыгрывал у него, бывало, все его месячное содержание, еще когда он учился в школе.

Барбара смолкла, и игра началась. Высокая ставка держала ее в постоянном напряжении, хотя платить ей не пришлось бы. Волнение ее усиливалось еще и мыслью, что партнер был классным игроком.

Когда она поняла, что мистер Фарнхэм считает ее игру вполне сносной, ей удалось немного расслабиться. Однако все равно она радовалась, когда удавалось отдохнуть в роли «болвана». Эти минуты отдыха она отдавала изучению Хьюберта Фарнхэма.

Тот ей определенно нравился: и тем, как он вел себя в семье, и тем, как играл в бридж — спокойно, вдумчиво, аккуратно, точно делая ставки, а в самой игре действовал порою просто блестяще. Она была в восторге, когда он, нахально сбросив туза, выжал последнюю взятку в контракте, в котором она переторговалась.

Она знала, что Карен надеется за этот уик-энд свести их с Дьюком, и признавала, что это неплохая идея. Дьюк был довольно привлекателен внешне (да и Карен была хорошенькой) и к тому же был бы для Барбары прекрасной партией: подающий надежды адвокат, всего на год старше ее, с молодой и цепкой хваткой.

Ей было интересно, собирается ли он подвалить к ней с нескромным предложением. Может быть, и Карен втайне рассчитывает на это и сейчас с любопытством наблюдает за тем, как разворачиваются события?

Нет, этому не бывать!

Она, конечно, вполне согласна с тем, что один раз ей не повезло, но это не значит, что любая разведенная женщи-

на абсолютно доступна. Черт побери, да ведь она *ни с кем* не лежала в постели с той самой ужасной ночи, когда она собрала свои вещи и ушла. Почему люди думают, что...

Дьюк смотрел на нее. Она встретилась с ним взглядом, вспыхнула и отвела глаза. Теперь она смотрела на его отца.

Мистеру Фарнхэму было что-то около пятидесяти, так она решила. По крайней мере, на вид ему можно было дать именно столько. Волосы его уже начали редеть. Седой, худощавый, даже худой, хотя с небольшим животиком, глаза усталые, вокруг глаз морщинки, от носа к уголкам губ тянутся глубокие складки. Симпатичным его никак не назовешь...

И тут с неожиданной теплотой она подумала, что если бы Дьюк Фарнхэм обладал хотя бы половиной мужественного очарования своего отца, то ее трусики не смогли бы долго держать оборону. Она вдруг почувствовала, что рассердилась на Грейс Фарнхэм. Какое оправдание можно найти женщине, ставшей неизлечимой алкоголичкой, раздражительной, жирной, потакающей своим желаниям, когда у нее под боком *такой* мужчина?

Эту мысль сменила другая — о том, что с годами Карен может стать такой же, как ее мать. Мать и дочь вообще были похожи, если не считать того, что Карен не превратилась пока в жирную тушу. Барбаре вдруг стало неприятно думать об этом. Карен ей нравилась больше, чем кто-либо из подруг по учебе, с которыми она столкнулась после возвращения в колледж. Ведь Карен такая милая, благородная и веселая...

Но может быть, когда-то и Грейс Фарнхэм была такой же. Неужели женщина с годами всегда становится раздражительной и никчемной?

Закончился последний кон, и Хьюберт Фарнхэм оторвался от карт:

— Три пики, гейм и роббер. Неплохо было заказано, уважаемый партнер.

Барбара покраснела:

— Вы хотите сказать, неплохо сыграно. Заказала-то я многовато.

— Ничего. В худшем случае мы могли остаться без одной. Кто не рискует, тот не выигрывает. Карен, Джозеф уже лег?

— Занимается. Завтра у него контрольная.

— Жаль, мы могли бы пригласить его сыграть. Барбара, Джозеф — лучший игрок в этом доме, всегда играющий смело, когда это оправданно. Прибавьте к этому, что он учится на бухгалтера и никогда не забывает ни одной карты. Карен, может быть, ты сама нальешь нам чего-нибудь, чтобы не беспокоить Джозефа?

— Конечно, масса Фарнхэм. Водка и тоник вас устроят?

— И чего-нибудь закусить.

— Пошли, Барбара. Придется нам похозяйничать на кухне.

Хьюберт Фарнхэм проводил их взглядом. Как несправедливо, думал он, что такое прелестное дитя, как миссис Уэллс, постигло этакое несчастье — неудачный брак. В бридж она играет вполне прилично. Хороший характер. Может быть, немного нескладна и лицо вытянуто чуть больше, чем надо... Но зато приятная улыбка и своя голова на плечах. Если бы у Дьюка была хоть капелька мозгов... Но у Дьюка ее определенно не было.

Фарнхэм поднялся и подошел к жене, клевавшей носом у телевизора.

— Грейс! — позвал он. — Грейс, дорогая, тебе пора ложиться.

Он помог ей дойти до спальни. Вернувшись в гостиную, он застал сына сидящим в одиночестве.

— Дьюк, я хотел извиниться перед тобой за тот разговор во время ужина.

— Ах, это! Да я уже и думать забыл.

— Я предпочел бы пользоваться твоим уважением, а не снисхождением. Я знаю, что ты не одобряешь моей «спасательной норы». Но ведь ты никогда и не спрашивал, зачем я построил ее.

— А что тут спрашивать? Ты считаешь, что Советский Союз собирается напасть на нас, и надеешься, что эта норка в земле спасет твою жизнь. Обе эти идеи нездоровы по сути. Болезненны. И более чем вредны для мамы. Ты про-

сто принуждаешь ее пить. Мне это не нравится. И еще больше мне не понравилось то, что ты напомнил мне — *мне*, адвокату! — что я не должен вмешиваться в отношения между мужем и женой. — Дьюк поднялся. — Пожалуй, я пойду.

— Сынок, ну пожалуйста, разве защита не имеет права высказаться?

— Что? Ну ладно, ладно. — Дьюк снова сел.

— Я уважаю твое мнение. Я не разделяю его, но ты в нем не одинок. Возможно, его разделяет большинство людей на земле, потому что основная масса американцев и пальцем не пошевелит ради собственной безопасности. Но как раз в тех вопросах, которые ты упомянул, ты не прав. Я не считаю, что СССР нападет на нас, и сомневаюсь, что наше убежище спасет нас в случае ядерного удара.

— Тогда зачем же ты все время таскаешь в ухе эту штуку, сводя мать с ума?

— Я ни разу не попадал в аварию, но всегда оплачиваю страховку. Этот бункер — мой страховой полис.

— Но ведь ты сам только что заявил, что бомбоубежище никого не спасет!

— Нет, я сказал, что сомневаюсь, что его будет достаточно. Оно могло бы спасти наши жизни, если бы мы жили милях в ста отсюда. Но Маунтин-Спрингс — цель первостепенного значения, и ни один человек не может построить убежище, которое выдержало бы прямое попадание.

— Тогда о чем же беспокоиться?

— Я уже сказал тебе. Это лучшая страховка, которую я могу себе позволить. Наше убежище не выдержит прямого попадания. Но если ракета уйдет немного в сторону, оно выдержит — ведь русские не супермены, а ракеты штуки капризные. Я просто минимизировал риски. Это лучшее, что я мог сделать.

Дьюк колебался:

— Отец, дипломат из меня никудышный...

— Тогда и не пытайся быть дипломатом.

— В таком случае я задам вопрос в лоб: стоит ли сводить мать с ума, превращать ее в пьяницу только ради того, чтобы продлить свою жизнь на какие-нибудь несколь-

ко лет с помощью этой норы в земле? Да и имеет ли смысл дальнейшая жизнь после войны, когда страна будет опустошена, а все твои друзья — мертвы?

— Может, и нет.

— Тогда *зачем все это?*

— Дьюк, ты пока не женат...

— Это неоспоримо.

— Сынок, я тоже буду откровенен. Я давным-давно перестал заботиться о собственной безопасности. Ты уже взрослый человек и стоишь на собственных ногах, и твоя сестра, хоть она и учится в колледже, достаточно взрослая женщина. А что касается меня... — он пожал плечами, — единственное, что меня еще по-настоящему занимает, так это хорошая партия в бридж. Как ты, наверное, заметил, мы с твоей матерью практически перестали понимать друг друга.

— Да, я вижу это. Но это твоя вина. Это ты ведешь мать к нервному срыву.

— Если бы все было так просто... Во-первых, ты еще учился на адвоката, когда я построил это убежище — как раз во время Берлинского кризиса. Тогда твоя мать приободрилась и подолгу могла оставаться трезвой. Она за весь день могла выпить один martini, а не четыре, как сегодня вечером, и ей этого хватало вполне, Дьюк. Грейс просто *необходимо* это убежище!

— Что ж, может быть. Но ты определенно выводешь ее из себя, снуя по дому с этой затычкой в ухе.

— Вполне возможно. Но у меня нет выбора...

— Что ты имеешь в виду?

— Грейс — моя *жена*, сынок. А «любить и заботиться» включает в себя и заботу о том, чтобы продлить ей жизнь, насколько это в моих силах. Это убежище может сохранить ей жизнь. Но только в том случае, если она будет находиться *внутри* его. Как по-твоему, за какое время до атаки нас успеют предупредить?.. В лучшем случае минут за пятнадцать. А для того, чтобы укрыть ее в убежище, достаточно будет и трех минут. Но если я не услышу сигнала тревоги, у меня не будет этих минут. Поэтому-то я и слушаю непрерывно радио. Во время любого кризиса.

— А если сигнал поступит в то время, когда ты спишь?

— Когда новости плохие, я сплю с пуговицей в ухе.

Когда они плохие по-настоящему, как, например, сегодня, мы с Грейс ночуем в убежище. Девушкам тоже придется сегодня ночевать там. И ты, если хочешь, можешь присоединиться сегодня к нам.

— Ну вот еще!

— Напрасно.

— Отец, если даже предположить, что атака возможна, — только предположить, потому что русские еще не сошли с ума, — зачем же было строить убежище так близко к стратегической базе? Почему ты не выбрал место вдали от любых возможных целей и не построил убежище там? Опять же, только предполагая, что оно необходимо матери для успокоения нервов, что, в принципе, возможно, и тем самым избавив ее от ненужных страданий?

Хьюберт Фарнхэм тяжело вздохнул:

— Сынок, она никогда бы не согласилась уехать отсюда. Ведь здесь ее дом.

— Так заставь ее!

— Сынок, тебе приходилось когда-нибудь заставлять женщину делать то, чего она по-настоящему не хочет? Кроме того, дело осложняется ее склонностью к выпивке. С алкоголиками довольно трудно сладить. А я должен по возможности стараться ладить с ней, насколько это в моих силах. И... Дьюк, я уже говорил тебе, что у меня не так-то много причин стараться остаться в живых. И одна из них вот какая...

— Ну, продолжай же!

— Если эти лживые ублюдки когда-нибудь сбросят свои бомбы на Соединенные Штаты, я хочу прожить еще немного, чтобы отправиться на тот свет по первому разряду — в сопровождении восьми русских парней! — Фарнхэм выпрямился в кресле. — Я не шучу, Дьюк. Америка — лучшая страна из всех, что люди создали за свою долгую историю, по крайней мере на мой взгляд; и если мерзавцы убьют нашу страну, я тоже хотел бы убить хотя бы нескольких из них. Человек восемь, не меньше. Я почувствовал большое облегчение, когда Грейс наотрез отказалась переезжать.

— Почему, папа?

— Потому что я не хочу быть изгнанным из своего родного дома каким-нибудь крестьянином со свиным рылом и скотскими манерами. Я свободный человек. И надеюсь до конца остаться свободным. Я подготовился к этому, как смог. Но бегство не в моем вкусе, и... Девочки возвращаются.

Вошла Карен, неся напитки, за ней появилась Барбара.

— Ха! Барб осмотрела наши запасы и решила испечь креп-сюзетт. Почему вы оба такие мрачные? Опять плохие вести?

— Нет, но если ты включишь телевизор, мы еще успеем посмотреть конец десятичасовых новостей. Барбара, эти блины с хитрым названием великолепно пахнут! Предлагаю вам место повара.

— А как же Джозеф?

— Джозефа мы оставим мажордомом.

— Тогда я согласна.

— Хей! — сказал Дьюк. — Как же это получается? Вы отвергаете мое предложение сочетаться законным браком и принимаете предложение моего старика жить с ним во грехе?

— Я что-то не заметила намека на грех в предложении вашего отца.

— Как? Разве вы не знаете, Барбара? Наш отец — известный сексуальный маньяк.

— Это правда, мистер Фарнхэм?

— Ну...

— Именно поэтому я и стал юристом, Барбара. Мы устали возить Джерри Гизлера из Лос-Анджелеса всякий раз, когда папочка попадал в переplet.

— Да, славные были денечки! — согласился его отец. — Но, Барбара, к сожалению, это было много лет назад. Теперь моей слабостью стал бридж-контракт.

— Раз вы так опасны, я считаю себя вправе рассчитывать на более высокий оклад...

— Тише, дети! — крикнула Карен и сделала телевизор погромче.

«...Пришли к соглашению по трем из четырех предложенных президентом основных вопросов и договорились

собраться еще раз, чтобы обсудить четвертый вопрос — о присутствии их атомных подводных лодок в наших прибрежных водах. Теперь можно с большой долей уверенности сказать, что кризис, самый острый из всех, случившихся в период после Второй мировой войны, кажется, идет на убыль в результате достижения договоренности, в той или иной степени удовлетворяющей обе стороны. А теперь позвольте познакомить вас с потрясающими новостями от компании „Дженерал моторс“, за которыми последует всесторонний анализ...»

Карен выключила телевизор. Дьюк заметил:

— Все именно так, как я и предполагал, отец. Можешь вынуть из уха свою затычку.

— Потом. Я занят креп-сюзетт. Барбара, надеюсь, вы будете готовить их каждое утро.

— Отец, прекрати соблазнять ее и сдавай карты. Я хочу отыгаться.

— У нас впереди еще целая ночь. — Мистер Фарнхэм закончил есть и поднялся, чтобы убрать тарелку.

В этот момент прозвенел звонок у входной двери.

— Я открою.

Он направился в прихожую, но скоро вернулся. Карен спросила:

— Кто там, папа? Я сдала за тебя. На сей раз мы с тобой партнеры. Ну вырази же свою радость по этому поводу.

— Я просто восхищен. Только помни, что с объявления одиннадцати взяток торговаться не начинают. По-моему, этот человек просто заблудился. А может, он не в своем уме.

— Должно быть, это был один из моих поклонников. Пришел на свидание, а ты спугнул его.

— Вполне возможно. Какой-то старый, лысый болван, насквозь мокрый и оборванный.

— Да, это ко мне, — подтвердила Карен. — Президент нашего студенческого союза. Пойди догони его, отец.

— Слишком поздно. Он только взглянул на меня и смылся. Кто объявляет масть?

Барбара продолжала играть, на сей раз совершенно машинально. Ей все время казалось, что Дьюк объявляет слишком много взяток; тогда она поймала себя на том, что

недообъявляет взятки, и попыталась бороться с собой. Они несколько раз «подсели» в длинном, мрачном роббере, который в конце концов «выиграли», хотя и проиграли по очкам.

Проиграть следующий роббер с Карен в качестве партнера было сущим удовольствием. Они поменялись местами, и Барбара вновь оказалась партнером мистера Фарнхэма. Он улыбнулся ей:

— Ну что, покажем им, как надо играть?

— Я постараюсь.

— Просто играйте как всегда. По книге. Все ошибки предоставьте делать Дьюку.

— Слова не деньги, папа. Давай побьемся об заклад, что вам не выиграть этого роббера. Ставлю сто долларов.

— Хорошо, пусть будет сто.

Барбара подумала о жалких семнадцати долларах в ее сумочке и занервничала. Она разволновалась еще сильнее, когда первый круг закончился при пяти трефах, объявленных и побитых Дьюком, и тогда она поняла, что он переборщил и остался бы без одной, если бы она покрыла его прорезку.

— Ну что, губернатор, удваиваем пари? — предложил Дьюк.

— По рукам.

Второй круг был для нее намного удачнее: в ее контракте при четырех пиках, благодаря отсутствию масти у противника, она ухитрилась даже уйти со всех своих козырей, прежде чем они кончились. Улыбка ее напарника была вполне достаточным вознаграждением. Но у нее почему-то дрожали руки.

— Обе команды получают по очку, — сказал Дьюк, — счет сравнивается. Как твое давление, папочка? Может, еще раз удвоим пари?

— Что, собираешься уволить свою секретаршу?

— Не надо лишних слов!

— Идет. Четыре сотни. Можешь продать свою машину.

Мистер Фарнхэм сдал карты. Барбара взяла свои и намурилась. В принципе, не так уж плохо: две дамы, пара валетов, туз, король — но не было длинной масти, да и король ничем не прикрыт. В общем, комбинация была из тех,

которые она привыкла называть «ни то ни се». Оставалось только надеяться, что это будет один из этих вызывающих всеобщий вздох облегчения кругов, когда все пасуют.

Ее партнер взглянул на свои карты и объявил:

— Три без козырей.

Барбара с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, а Карен воскликнула:

— Папочка, да у тебя жар!

— Принимаю.

— Пас!

«Боже, о боже, что мне делать?» — взмолилась про себя Барбара. Объявление ее партнера означало двадцать пять очков — и приглашение к шлему. У нее самой было тринадцать. Тридцать восемь на двух руках — большой шлем.

Все по книге! («Барбара, ты же помнишь, „три без козыря“ — это двадцать пять, двадцать шесть или двадцать семь очков, прибавь тринадцать — вот тебе и большой шлем».) Но по книге ли играл мистер Фарнхэм? Может быть, он объявлял просто для того, чтобы выиграть роббер и победить в этом идиотском пари?

Если она сейчас спасует, то и игра, и роббер, и чetyреста долларов — дело верное. Но большой шлем — если они объявят его — принес бы им что-то около пятнадцати долларов при тех ставках, которые установили Дьюк и его отец. Рисковать чужими четырьмястами долларами ради каких-то пятнадцати?

Смешно!

А нельзя ли выйти на шлем потихоньку, по конвенции Блэквуда? Да нет, ведь предварительной торговли не было. Может быть, это как раз один из тех случаев, о которых предупреждал ее Дьюк?

Но ведь ее партнер ясно сказал: «Играй по книге».

— Семь без козырей, — твердо объявила она.

Дьюк присвистнул:

— Благодарю вас, Барбара. Теперь, папочка, ты один против всех. Контра¹.

¹ *Контра* — карточный термин, обозначающий удвоение ставки. — *Примеч. ред.*

— Пас.

— Пас, — эхом отозвалась Карен.

Барбара снова прикинула свои возможности. Этот одинокий король выглядел жутко голым. Но... либо ее команда наберет тридцать восемь очков, либо не наберет ничего.

— Снова удваиваю.

Дьюк улыбнулся:

— Спасибо, золотко. Ходи, Карен.

Мистер Фарнхэм вдруг положил карты и резко встал. Его сын сказал:

— Эй! Вернись и прими неизбежное!

Мистер Фарнхэм, не отвечая, подошел к телевизору, включил его, затем включил радио и настроил его на нужную волну.

— Красная тревога! — неожиданно объявил он. — Пусть кто-нибудь предупредит Джозефа! — И выбежал из комнаты.

— Вернись! Тебе не провести нас с помощью такого примитивного трюка!

— Заткнись, Дьюк! — прикрикнула на него Карен.

Ожил телевизионный экран: «...приближается. Сразу же настройтесь на волну своей аварийной станции. Удачи вам, всего хорошего, и да благословит вас всех Господь!..»

Изображение на экране исчезло, и стало слышно радио: «...не учебная тревога! Это не учебная тревога! Аварийным командам явиться в места дислокации. Не выходите на улицу. Если у вас нет укрытия, найдите самое защищенное место в доме. Это не учебная тревога! Непознанные баллистические объекты только что замечены нашими системами раннего предупреждения, и есть все основания предполагать, что это боевые ракеты. Все в укрытия! Аварийным командам явиться...»

— Кажется, это серьезно, — с дрожью в голосе выдала из себя Карен. — Дьюк, покажи дорогу Барбаре. Я пойду разбужу Джозефа... — И она выбежала из комнаты.

— Этого не может быть, — сказал Дьюк.

— Дьюк, как пройти в укрытие?

СОДЕРЖАНИЕ

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА. <i>Роман</i>	
<i>Перевод П. Киракозова</i>	5
<i>С. В. Голд. Послесловие</i>	376
ГОД ДЖЕКПОТА. <i>Повесть</i>	
<i>Перевод В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	411
<i>Послесловие. Перевод А. Питчер</i>	458
ИНОЗДЕСЬ. <i>Рассказ</i>	
<i>Перевод М. Пчелинцева</i>	461
<i>Послесловие. Перевод А. Питчер</i>	507

Хайнлайн Р.

X 15 Свободное владение Фарнхэма : роман, повесть, рассказ / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. П. Киракозова, В. Ковалевского, Н. Штуцер и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 512 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-18980-5

Построить убежище от ядерного удара — накладно, но вполне возможно. Обжить его, обустроить... И вот некоторое время спустя, после того как произошло то, чего все боялись, вы наконец выходите из бункера на поверхность, а там... счастливое будущее Земли: высокие технологии и при этом каннибализм; мудрые рассуждения о свободе и при этом примитивное рабство. Роман о «свободном владении», написанный в 1964 году, многие из читающей публики считают едва ли не лучшим после знаменитого «Чужака» (1961). Во всяком случае по актуальности он не уступает последнему.

В сборник также вошли произведения, тематически примыкающие к роману: «Год Джекопта», повесть об американском Апокалипсисе, и большой рассказ «Иноздесь» — история о перемещении в пространстве и времени с выходом в параллельный мир, причем с весьма неожиданными последствиями.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ
ФАРНХЭМА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Бобкова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.04.2021. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 26,88. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AFA-27666-01-R